

УДК 261.7

DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10203

А. С. Харчевников

ПОДВИГ, РОЖДАЮЩИЙ ВЕРУ, И ВЕРА, СПОСОБНАЯ НА ПОДВИГ: ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ церковной жизни в страшные дни блокады Ленинграда, некогда являвшегося столицей православной Российской империи, — города на Неве, который имел почти 700 религиозных сооружений.

Страшные события, коснувшиеся в XX в. Церкви в России, изменили восприятие славной истории как самой страны, так и императорского города, который вслед за изменением государственной власти утратил свое историческое название: в 1914 г. северная столица стала Петроградом, а в 1924 г. — Ленинградом.

К началу самого трагического, пожалуй, периода в истории северной столицы — блокадного — в городских кварталах действовало всего 10 православных храмов. Автор статьи рассматривает и обобщает бесценные крупицы сведений о существовании приходской жизни христиан-ленинградцев, анализирует архивные источники, повествующие о деталях этой церковной жизни, которая теплилась в заледеневшем от горя и слез городе-герое. На основании ряда документов автор проводит анализ взаимодействия Церкви и городских властей, по мере сил помогавших приходской жизни храмов, которые несли свое служение на кладбищах. В статье автор уделяет внимание именно кладбищенским приходам, так как полагает, что, изучая частные события того или иного прихода, можно прийти к общим выводам, помогающим сформировать верную картину трагического прошлого, в котором было место христианскому доброделанию.

Благодаря тому, что история как научная дисциплина рассматривает прошлое не только от общего к частному, но и от частного к общему, выполняется проверка достоверности как описания определенной эпохи, так и отдельного события данной эпохи.

Подвиг, рождающий веру, и вера, способная на подвиг...

Реконструируя историю нескольких кладбищенских храмов времени блокады, автор статьи полагает, что на этом основании возможно построение общей картины церковной жизни блокадного города.

Ключевые слова: история XX века, блокадный Ленинград, Санкт-Петербург, Петроград, Великая Отечественная война, кладбищенские храмы, церкви Ленинграда.

Цитирование. Харчевников А. С. Подвиг, рождающий веру, и вера, способная на подвиг: церковная жизнь блокадного Ленинграда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 38–57. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10203

Сведения об авторе. Харчевников Алексей Сергеевич — студент 4 курса бакалавриата Санкт-Петербургской духовной академии (Россия, г. Санкт-Петербург). E-mail: has2298@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2020

Принята к публикации 23.03.2020

Ленинград — это город не только трех революций, но и столица православной Российской империи, где до 1917 г. действовало около 700 храмов, а если точнее — 687 церквей: 484 православных храма (51 обитель, в число которых входили: 1 лавра (в ней действовало 14 храмов), 2 монастыря, монастырские подворья (всего 36 подворий разных монастырей) и Троице-Сергиева пустынь (в пустыни имелось 7 храмов); также в распоряжении Православной Церкви было 20 городских соборов; кроме того, в городе имелись храмы как приходские, так и располагавшиеся в госучреждениях, воинских подразделениях, во дворцах и особняках, в высших, средних, начальных и специальных учебных заведениях, при религиозно-просветительских обществах, при благотворительных заведениях, больницах, тюрьмах, промышленных предприятиях, на кладбищах (27 церквей), а также в столице действовало 12 больших часовен.

Кроме православных церквей в столице действовали храмы старообрядческие, римо-католические, лютеранские, реформаторские, англиканские, армяно-григорианские, инославные и, в конце концов, сектантские — всего таковых в городе на Неве имелось 82 «церкви» (не считая часовен, молитвенных помещений и прочего).

В определенные периоды в Петербурге действовали упраздненные 121 церкви (до 1917 г.). Таким образом, в столице России имелось около 687 церквей, большая часть из которых являлась православными церквями, приходами¹.

События XX века перевернули жизнь города на Неве. Через несколько месяцев после начала Великой Отечественной войны, город постигло страшное испытание, продолжавшееся почти 900 дней: 8 сентября 1941 г. вокруг Ленинграда замкнулось военное блокадное кольцо². Город стал превращаться в одно большое кладбище. «8 ноября 1941 года в Мюнхене Гитлер заявил: “Ленинграду придется умереть голодной смертью”»³. Голод в скором времени начался. Житель блокадного города вспоминал: «Зима 1941–42 годов, когда морозы достигали 40 градусов, а не было ни дров, ни угля. Съедено было все: и кожаные ремни, и подметки, в городе не осталось ни одной кошки или собаки, не говоря уже о голубях и воронах. Не было электричества, за водой голодные, истощенные люди ходили на Неву, падая и умирая по дороге. Трупы уже перестали убирать, их просто заносило снегом. Люди умирали дома целыми семьями, целыми квартирами»⁴.

Помимо страшного голода, немецко-фашистские захватчики обрушили на город «107 158 фугасных и зажигательных бомб, свыше 150 000 тяжелых артиллерийских снарядов. От бомбардировок и артиллерийских обстрелов было убито 16 747 ленинградцев. Кроме того, было ранено 33 782 мирных граждан — женщин, стариков и детей»⁵.

¹ См.: Антонов В. В., Кобак А. В. Полный список христианских храмов Петербурга. Приложение // Святые Санкт-Петербурга: ист.-церк. энцикл.: в 3 т. СПб., 1994. Т. I. С. 249–266.

² Подробнее о жизни блокадного города см.: Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 2005; Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013; Шкаровский М. В. Религиозная жизнь блокадного Ленинграда по новым документальным источникам // Сайт «Санкт-Петербургская духовная академия». URL: <https://spbda.ru/publications/religioznaya-jizn-blokadnogo-leningrada-po-novym-dokumentalnym-istochnikam/> (дата обращения: 27.02.2020).

³ Цит. по: Акт о злодеяниях и варварском разрушении Ленинграда немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками за время войны и блокады // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1109. Л. 1.

⁴ Аleshин Е. В. Блокада Ленинграда. Народная книга памяти: 300 судеб, 300 реальных историй. М., 2014. С. 30.

⁵ Акт о злодеяниях и варварском разрушении Ленинграда... Л. 8.

Подвиг, рождающий веру, и вера, способная на подвиг...

Среди этих людей, конечно, были и православные, ранее относившиеся к многочисленным городским церковным общинам, жившие в Санкт-Петербурге, затем в Петрограде, а после и в Ленинграде и в окрестностях северной столицы⁶.

Стоит отметить, что почти все вышеперечисленные храмы до 1941 г. советской властью были упразднены, взорваны, перестроены и обращены в «помещения» для разных бытовых и хозяйственных нужд.

Итак, в черте блокады к сентябрю 1941 г. из многочисленных храмов некогда столицы Российской империи оставались действовать всего 10, хотя в документе «Сведения о наличии церквей по г. Ленинграду и Ленинградской области на 1 января 1945 года» указано, что в Ленинграде функционировали во время блокады и действуют на начало 1945 г. всего 8 православных церквей. Два храма — Спасо-Парголово́вский и Князь-Владимирский на станции Лисий Нос — приписывались к областному району Парголово́вский⁷, однако они тоже относились к городским церквям блокадного города. Итак, 10 действующих храмов можно условно разделить на три группы.

К первой относятся соборы, которые находились в центральной части города: Князь-Владимирский; Николо-Богоявленский; Спасо-Преображенский — обновленческий (с января 1944 г. вернулся в единство с Русской Православной Церковью).

Во вторую группу церквей можно отнести храмы, стоящие на городских кладбищах: храм свт. Николая Чудотворца на Большеохтинском кладбище; храм св. Иова Многострадального на Волковском кладбище; храм прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище — обновленческий (в начале 1942 г. вернулся в единство с Русской Православной Церковью).

Оставшиеся же храмы были приходскими и располагались, в основном, на окраинах города: Дмитриевский в Коломягах; Спасо-Парголово́вский; Князь-Владимирский на станции Лисий Нос — обновлен-

⁶ Отчасти этой темы мы касались в докладе на VIII Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История», прошедшей в Екатеринбурге 6–9 февраля 2020 г. Текст выступления см.: Харчевников А. С. «Просим Вас разрешить открыть храм для нас, верующих, чтобы молиться Богу для быстрого разгрома общего врага — гитлеризма»: судьба кладбищенских храмов блокадного Ленинграда // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2020. № 1. С. 166–174.

⁷ По учету церквей и молитвенных домов // ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

ческий (в 1942 г. вернулся в единство с Русской Православной Церковью); Троицкий в Лесном — иосифлянский (23 ноября 1943 г. вернулся в единство с Русской Православной Церковью, но в 1967 г. был снесен).

Приходская жизнь центральных соборов города во время блокады Ленинграда, как, впрочем, и в мирное время была, конечно, более живой и насыщенной. Богослужения в этих соборах проходили более торжественно, а сотни, а то и тысячи людей могли приступить ко Святому Причащению. Разумеется, другие действовавшие приходские храмы, расположенные на окраинах города, были более малочисленны, нежели центральные городские соборы, и жизнь данных общин была менее ярко выражена.

В особую группу можно выделить храмы, которые находились на разных кладбищах Ленинграда. Некоторые храмы еще в 1930-е гг. должны были быть снесены, но они не только не были закрыты и разрушены, но и продолжали действовать на протяжении всей блокады и после нее⁸.

В нашем исследовании мы выделим три кладбищенских храма, упомянутых ранее, и рассмотрим их жизнь с точки зрения взаимодействия с государством. Это будет сделано нами для того, чтобы, изучив историю конкретных храмов, мы смогли бы прийти к более общим выводам, помогающим реконструировать историческую картину православной жизни блокадного города.

Безусловно, жизнь в стране с началом Великой Отечественной войны изменилась — нарушился привычный уклад. Началась перемена и в отношении государства к Церкви. Даже первые слова И. Сталина, обращенные 3 июля 1941 г. к народу: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры!» — скорее напоминали церковную проповедь, а не речь вождя атеистического государства. Отчасти, военное положение в стране способствовало бóльшему доверию государства к Церкви, которое с каждым военным годом было все более и более ощутимо.

После послания местоблюстителя патриаршего престола митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского), обращенного к «пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» 22 июня 1941 г., митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский) 26 июля также обратился к духовенству и верующим мит-

⁸ Материалы и переписка по вопросу административного надзора // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19. Л. 27 об.

рополии. Владыка среди прочего сказал: «Церковь неумолчно зовет к защите Матери-Родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом». Подчеркнем, упомянутым митрополитам власть не препятствовала распространять свои патриотические воззвания, хотя печально признавать, что за чтение послания митрополита Сергия в сентябре 1941 г. в Киеве были расстреляны немецкой оккупационной властью архимандрит Александр (Вишняков) и протоиерей Павел Остренский, в Симферополе — протоиерей Николай Швец, диакон Александр Бондаренко⁹.

Возвращаясь к жизни блокадного города, стоит подчеркнуть, что с момента объявления войны храмы Ленинграда начали оказывать благотворительную помощь, перечисляя средства в фонды Красного Креста и обороны. Об этом мы узнаем из послания митрополита Алексия (Симанского) от 26 июля 1941 г., где, в частности, отмечается, что «среди верующих разных храмов выражены пожелания, чтобы имеющиеся в храмах запасные суммы в некоторых весьма крупные, в несколько сот тысяч рублей были отданы государству в фонд обороны, на нужды войны»¹¹.

Так, к примеру, на заседании «двадцатки» Никольской церкви на Большеохтинском кладбище 7 августа 1941 г. было утверждено следующее постановление: «В дополнении к протоколу президиума 20-ки от 26 июля 1941 года п. 2 постановили перечислить к означенной сумме (200 000 руб.) в счет государства еще двести тысяч руб. (200 000 руб.), а всего в сумме четыреста тыс. (400 000) рублей. — Отчислять ежемесячно в фонд обороны страны пятнадцать тысяч (15 000) рублей»¹².

Подобные постановления были приняты и другими церквями города, в числе которых находились и кладбищенские. Двадцатка церкви прп. Серафима Саровского, располагавшейся на одноименном кладбище, перевела в Фонд обороны 60 000 руб. и постановила ежемесячно отчислять по 3 000

⁹ *Алексий (Симанский), митр.* Церковь зовет к защите Родины. 26 июля 1941 года // Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сб. церк. док-тов. М., 1943. С. 52.

¹⁰ *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. С. 45.

¹¹ *Алексий (Симанский), митр.* Церковь зовет к защите Родины... С. 53.

¹² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 79 (Заявления, телеграммы, письма и протоколы заседаний двадцаток о сборе средств на оборону страны). Л. 14–14 об.

рублей¹³, а храм св. Иова на Волковском кладбище одновременно перевел 51 980 руб. и постановил 10 % от доходов перечислять ежемесячно¹⁴.

Конечно, действовавшие в городе соборы отчисляли более значительные суммы, нежели другие церкви блокадного города, хотя, стоит признать, большие суммы вносили также и некоторые кладбищенские храмы. Уже к концу 1941 г. сумма поступлений от храмов в Фонд обороны составила 2 144 000 руб.¹⁵, а на 1 ноября 1944 г. уже почти 13,5 млн. руб. Например, пожертвования церкви свт. Николая Чудотворца Большеохтинского кладбища за данный период составили 2 297 091 руб., что почти равно сумме пожертвований даже Преображенского собора (2 365 150 руб.). Намного меньшую сумму, но не менее значимую помощь, в этот же срок оказали храмы св. Иова на Волковском (861 167 руб.) и прп. Серафима на Серафимовском кладбищах (лишь 172 с небольшим тысячи рублей)¹⁶.

Храмы Ленинграда вели благотворительную деятельность не только перечисляя средства, но и помогая бойцам вещами. Так, в отчетах храмов Волковского и Большеохтинского кладбищ в период с июля 1941 по январь 1943 г. говорится о передаче на фронт полотенец: 100 и 50 штук соответственно¹⁷.

Стоит заметить, что добровольно жертвовали не только приходы, но и духовенство храмов. Так, священник Большеохтинского кладбища протоиерей Михаил Славницкий в 1943 г. перевел в фонд обороны 13 000 рублей, а священник Волковского кладбища протоиерей Николай Смирнов такую же сумму перевел и в 1943, и 1944 гг.¹⁸ На декабрь 1944 г. духовенство смогло перечислить почти 400 000 руб.¹⁹

О поступлениях от епархии на нужды обороны митрополит Алексий (Симанский) извещал И. В. Сталина. Так, в телеграмме от 13 мая

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 79. Л. 13.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 4 (Взносы от 20-к и духовенства). Л. 1–2, 53; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209 (Дело по наблюдению за деятельностью церкви князя Владимира). Л. 154.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 4. Л. 57.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ Там же. Л. 74.

1943 г. владыка указал Верховному главнокомандующему, что к ранее перечисленным 3 682 143 рублям собрано еще 1 769 200 руб., и сбор средств будет продолжен на танковую колонну имени Дмитрия Донского: «Духовенство и верующие преисполнены твердой веры в близкую победу нашу над злобным фашизмом, и все мы уповаем на помощь Божию Вам и русскому воинству под Вашим верховным водительством»²⁰. 17 мая 1943 г. И. В. Сталин отправил ответную телеграмму, в которой передавал «искренний привет и благодарность Красной армии»²¹ всему православному духовенству и верующим Ленинградской епархии, участвующим в сборе данной суммы.

Конечно, говоря о той или иной приходской общине, мы должны уделить внимание богослужебной жизни. В трех кладбищенских храмах во время блокады продолжали совершаться богослужения, главным из которых была Божественная литургия. Через несколько месяцев блокады города встал серьезный вопрос, связанный с нехваткой муки для выпечки просфор и вина для совершения Евхаристии. Уже 3 ноября 1941 г. от двадцатки храма святого праведного Иова на Волковском кладбище было подано заявление инспектору административного надзора с просьбой содействовать в получении вина и муки для совершения богослужений²². Двадцатка уточняет, что запасов вина на приходе хватит всего на полторы- две недели, а с мукой возникли серьезные проблемы, «так как имеющийся небольшой запас муки просфорни Боровой З. Ф., по ее словам, у нее якобы отобран милицией еще 11 сентября при ломке сарая, где у нее будто бы она (мука. — А. Х.) хранилась. С того времени просфоры выпекают из муки, жертвуемой верующими, причем этих пожертвований за последнее время становится все меньше и меньше. Двадцатка считает, что для бесперебойного совершения богослужений в нашей церкви необходимо иметь на месяц 20–25 кг муки и 8–10 литров вина (кагора или красного сладкого)»²³.

Почти два месяца городское управление потратило на принятие решения об оказании помощи приходам, но все же «с 29 декабря 1941 г. по

²⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 79. Л. 10.

²² Там же. Д. 180 (Дело по наблюдению за деятельностью церкви многострадального Иова). Л. 107.

²³ Там же.

3 января 1942 г. семи православным общинам города (храм на Серафимовском кладбище был закрыт из-за хранения в нем трупов) были впервые выделены в общей сложности 85 кг муки и 100 бутылок вина (75 литров). Следующая выдача состоялась через полтора месяца — 17–23 февраля 1942 г. Теперь им было передано 160 кг муки и 150 бутылок вина»²⁴.

С февраля 1942 г. выдача необходимого для совершения богослужений стала ежемесячной: «В марте — мае 1942 г. 7 общин получали по 135 кг муки и 85 литров вина ежемесячно, во второй половине 1942 г. — 8 общин (в их число вошел приход Серафимовской церкви) — по 145 кг муки и 82–94 литров вина»²⁵. Больше всего необходимого выдавалось Никольскому собору (30 кг муки и 20 литров вина)²⁶, а храмы на кладбищах, к примеру, получали по 10–15 кг муки и 5 литров вина. В 1943 г. те же 8 приходов получали по 150 кг и 90 литров вина ежемесячно.

Стоит все же оговориться, что продовольствие для совершения Божественной литургии выдавалось государством не бесплатно. За него приходилось платить по государственным расценкам. В частности, в расписке о получении 15 кг муки и 7 литров вина для совершения богослужений в Никольской церкви было заплачено 254 руб. 50 коп.²⁷, за 10 кг муки и 7,5 литров вина храм Иова заплатил 296 руб.²⁸

Отметим, что за период блокады не раз выдаваемые мука и вино шли не по назначению. Так, например, председатель двадцатки храма на Большеохтинском кладбище К. Андреев, который был какое-то время и председателем двадцатки на Серафимовском кладбище, по свидетельству священника данной церкви, весной 1942 г. «попирал интересы верующих на каждом шагу, дойдя до использования отпущенного, по решению Правительства, вина и муки для выпечки просфор в своих личных целях»²⁹. В результате этого на службу в храм свт. Николая Чу-

²⁴ Шкаровский М. В. Церковь и власть в блокадном Ленинграде // Сайт «Санкт-Петербургская духовная академия». URL: <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-cerkov-i-vlast-v-blokadnom-leningrade/> (дата обращения: 29.02.2020).

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 80 (Ведомости и расписки председателей двадцаток о получении вина и муки на нужды церквей). Л. 93.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 153 (Дело по наблюдению за деятельностью церкви святого Николая на Большеохтинском кладбище (справки, списки, отчеты, акты и др.)).

дотворца вина выдавалось «не более двух столовых ложек, в то время как имеющиеся свидетельства подтверждают, что беременная женщина, живущая с председателем двадцатки, пьет вышеуказанное вино с чаем. А просфоры отпускаются размером в пятикопеечную монету, что, конечно, не может удовлетворить желающих принять Св. Тайны граждан»³⁰.

Иногда продукты просто не довозились до места назначения. В объяснительной от 30 июля инспектору Ленсовета все тот же Андреев описывает историю, которая произошла с ним после того, как он получил вино и муку в Никольском соборе: «Я ехал <...> в трамвае № 13, вагон 2212 <...> Стоял на площадке, на остановке <...> Вследствие сильного толчка стеклянная бутылка, обернутая мешком, ударила о косяк подножки, упала и разбилась. 5 литров красного вина разлилось по деревянной решетке площадки вагона»³¹. Далее Андреев отметил, что все вышесказанное может подтвердить кондуктор. В заключение он просит хотя бы 3 литра вина выдать за его «личный счет ввиду такого несчастного случая»³².

В храмах города могли происходить кражи вина и муки, так как с каждым месяцем блокады голод в городе увеличивался. Один из таких случаев хищения произошел в храме святого Иова Многострадального. 12 ноября 1943 г. грабители взломали входную дверь храма. После осмотра было обнаружено, что украдена «выручка» храма. Также грабители взломали шкаф, откуда были взяты «служебные просфоры в количестве 20 штук, бутылка вина и пачка свечей весом 2 кг»³³.

В условиях тяжелейшего военного времени, конечно, за выдаваемым «церковным продовольствием» велось наблюдение. Так, 6 февраля 1943 г. настоятелю Спасо-Преображенского собора поступило письмо с заявлением от начальника транспортно-складовой конторы Курочкина о том, что склад допустил ошибку и выдал вместо 145 кг — 187. Начальник склада в письме заключает: «Заготзерно имеет крупные неприятности. Прошу дать распоряжение о возврате излишнего выданного...»³⁴.

Л. 121 об.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 137.

³² Там же. Л. 137 об.

³³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 180. Л. 160.

³⁴ Там же. Д. 80. Л. 138.

В самом начале 1942 г., 29 января, была закрыта церковь на Серафимовском кладбище. Упомянутый выше председатель двадцатки Серафимовской церкви К. И. Андреев писал в административный отдел Ленсовета, что здание храма с 22 января используется «райсоветом Приморского района под склад-распределитель для приема покойников, доставляемых из города для их захоронения»³⁵. Церковные деньги и продовольствие, хранившиеся в церкви, были расхищены, а запас дров сожжен. Церковь была возвращена верующим только в апреле 1942 г.

Как оказалось, Константин Иванович Андреев сначала являлся комендантом здания Серафимовской церкви, о чем свидетельствует справка от 10 сентября 1941 г.³⁶ Уже через несколько недель после закрытия гражданин Андреев подал заявление в административный отдел Ленсовета с просьбой зачислить его в члены двадцатки Большеохтинской церкви.

Чтобы понять неприятность ситуации, мы особо остановимся на характеристике личности и деятельности К. И. Андреева, так как в тяжелейший период блокады этот человек привлек внимание как светской власти, так и церковного управления.

Так, настоятель храма на Большеохтинском кладбище священник Симеон Рождественский 28 мая 1942 г. написал рапорт на 9-ти страницах митрополиту Алексию (Симанскому) о беззакониях, которые совершили на его приходе из-за председателя двадцатки церкви гражданина К. И. Андреева. Отец Симеон начинает свое повествование с того, что председатель двадцатки не исполняет своих служебных обязанностей и сам заявляет, что его «прислали сюда подкормиться»³⁷. Далее в рапорте сообщается: «Заявление гр. Андреева нашло свое подтверждение в том, что церковное здание он позволяет себе использовать под собственную квартиру, устроив таковую в притворе храма». Из-за этого «в часы обеда или другие часы, в которые председатель двадцатки решает устроить себе отдых <...> гр. Андреев закрывает дверь храма, поскольку хождение верующих нарушает его семейный покой...»³⁸. Также отмечено, что «гр. Андреев допускает со своей стороны грубые выходы, даже прямые

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 213 (Дело по наблюдению за деятельностью церкви на Серафимовском кладбище). Л. 107.

³⁶ Там же. Л. 105.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 153. Л. 120 об.

³⁸ Там же.

выталкивания верующих из храма <...> и, живя там со своей беременной женой, создает возмущение верующих, равно как и бесцеремонные приготовления пищи, запах которой разносится в здании храма, так или иначе отвлекая верующих от церковной службы»³⁹.

На этом можно было уже прервать повествование о. Симеона, однако позволим процитировать еще несколько фрагментов из него, ведь описание поступков Андреева рисует яркие картины как человеческих отношений, имевших место в тяжелейшее время блокады, так и атмосферы приходской жизни с ее горестными искушениями и жизненными проблемами. «До чего дошло, — пишет отец Симеон, — бесконтрольное и беззастенчивое использование служебного положения гр. Андреева, говорит то обстоятельство, что он занимается прямым обираем верующих, собирая безвозмездно и, конечно, безвозвратно полотенца и прочие предметы, приносимые верующими с целью украшения икон, крестов и т. п.»⁴⁰. Далее измученный председателем пастырь церкви прямо сравнивает его с помещиком, «облюбовавшим собственную вотчину», говоря, что даже книги, иконы, облачения и справки он выдает «лишь после многократных обращений к нему, предварительно — как то имело не раз место — доведя до слез пришедшего к нему человека»⁴¹. В заключение говорится, что свое служебное положение Андреев рассматривает как средство личного обеспечения, так как за ним нет никакого контроля.

Помимо рапорта о. Симеона Рождественского, мы обнаружили еще несколько документов, где также упоминается гражданин Андреев. Еще до блокады, в мае 1941 г., от прихожанина церкви прп. Серафима Саровского «в Смольный, в Административный отдел главному начальнику отдела» поступило заявление на Андреева. В прямом смысле слова это было, конечно, не заявление, а, скорее, какое-то хаотичное возмущение, которое начиналось так: «Главный начальник: Почему над старостой председателем <...> Серафимовской церкви <...> нет надзора». Далее указывалось, что никто не следит за счетом денежных средств, а председатель забирает записки верующих с деньгами, и потом от «денег за них (записки) не отказывается»⁴², при этом записки не «отсылают-

³⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 153. Л. 121.

⁴⁰ Там же. Л. 122 об.

⁴¹ Там же. Л. 123 об.

⁴² Там же. Д. 213. Л. 104.

ся для чтения» председателем и прихожане их не слышат за богослужением. После нескольких замечаний прихожанин, написавший жалобу, заключает: «Прошу обратить на это Ваше должное внимание. Так поступать нельзя и не добросовестно <...> Его служащие не скоты какие-нибудь, а тоже люди»⁴³.

В 1943 г. священник Симеон Рождественский вновь напишет рапорт, но уже не в Епархиальное управление, а «инспектору культа». Суть рапорта заключалась в том, что Андреев не выполняет распоряжения инспектора и не выдает муку и вино по пятницам. И это — в блокадном городе, когда вино для богослужений выдавалось порой в счете на ложки, а мука — на граммы! По сути, удержанные мука и вино оборачивались сорванными литургиями, которые для блокадников-прихожан могли оказаться последними в их земной жизни.

Из рапорта отца Симеона можно заключить, что он и Андреев были на приеме у инспектора А. В. Татаринцевой. Протоиерей Симеон, описывая чинимый Андреевым произвол, говорит так: «В пятницу 26 марта просфор на службу я не получил. В субботу 28 марта к 10 утра собрались причастники. Начать служение обедни не мог из-за отсутствия просфор. В этот день Андреев пришел к 1 часу дня, когда литургию служить уже было нельзя и приготовившимся причастникам пришлось разойтись с негодованием»⁴⁴. Можно было бы предположить, что Андреев отмалчивался и ничего не отвечал на рапорты о Симеона Рождественского. Но это не так.

На жалобы о Симеона относительно поведения председателя двадцатки К. И. Андреев тоже отвечал жалобами. Одна из таких жалоб касалась как раз сбора средств на оборону страны и на танковую колонну Димитрия Донского, о котором мы подробно сказали выше. В заявлении Андреева отмечается следующее: «Не имея средств накопления, которые я мог сдать на Танковую колонну, решил сдать серебряное кадило и 7-го февраля после обедни подготовил медное кадило для отпевания покойников. Рождественский объявил, что ввиду отображения серебряного кадила в государство, он с медным отпевать не будет. Пришлось серебряное кадило возвращать, и тогда он отпевал <...> Я прошу Вашего вмешательства о возврате кадила Рождественским и дать распоряжение

⁴³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 213. Л. 104 об.

⁴⁴ Там же. Л. 121.

или прямо запретить служить ему на могилах, а все требы выполнять в церкви, как это делают на Охте и других кладбищах»⁴⁵. Далее К. И. Андреев заявил, что обо всем вышеизложенном он известил и митрополита, «который обещал это мероприятие провести в жизнь»⁴⁶.

В скором времени инспектору административного надзора поступило еще одно заявление от Андреева. Он опять же жаловался на о. Симеона, говоря, что тот продолжает ходить по требам на кладбище, в связи с чем «доход церкви настолько упал, что не остается никаких средств к накоплению». Андреев отмечал: «Возмутительное и грубое поведение Рождественского со служащими и вымогательства продуктов от граждан имеет место почти ежедневно, что и могут подтвердить они лично»⁴⁷ (впрочем, полностью доверять тенденциозному, как нам представляется, письму Андреева нельзя). Но все же митрополит Алексей (Симанский), невзирая на острейшую нехватку священников, отстранил о. Симеона от служения и отправил за штат. Как отмечает в своих трудах один современный историк Церкви, митрополит Алексей отказался вернуть священника Симеона в штат священнослужителей епархии, несмотря даже на давление властей, с которыми, вероятно, был связан священник, и 17 января 1944 г. лишь причислил его к Князь-Владимирскому собору⁴⁸.

И тем не менее, отстранение о. Симеона вряд ли оправдывает поведение К. И. Андреева. Ведь 15 января 1944 г. уже другой настоятель Серафимовской кладбищенской церкви священник Николай Артемьев направил владыке рапорт, в котором отмечалось, что к светлому празднику Рождества Христова на Серафимовский приход было послано воззвание Святейшего Патриарха Сергия (Страгородского) для прочтения верующим. После того как Андреев узнал о доставленном послании, он, по словам священника, устроит скандал, заявив, что если в будущем послания собираются зачитывать народу, то «прежде всего нужно дать ему на просмотр и тогда только, если последует согласие, можно будет таковое зачитать»⁴⁹. Священник очень деликатно заканчи-

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 213. Л. 122.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 122 об.

⁴⁸ Ответ доктора исторических наук М. В. Шкаровского на статью протоиерея Сергия Окунева. Ч. I // Сайт «Православие.ru». URL: <https://pravoslavie.ru/473.html> (дата обращения: 27.02.2020).

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 213. Л. 164.

вает описание данной истории: «Я, конечно, всемилостивый владыка, не делаю никаких выводов, но все действия и поступки гражданина Андреева с достаточной яркостью сами говорят за себя, и отсюда вывод сделает сама ваша светлостная и архипастырская благостыня»⁵⁰.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что в тяжелейший блокадный период довольно ярко была представлена приходская жизнь, порой с ее серьезными искушениями и перипетиями.

Отметим и тот факт, что в каждом кладбищенском храме на протяжении всей блокады действовал определенный штат работников, который, трудясь при храме, получал довольно скромную зарплату. Так, на 23 ноября 1942 г. в Серафимовской церкви в штате было 3 работника (завхоз и 2 уборщицы)⁵¹; в храме святого Иова на Волковском кладбище в штате числилось 5 человек (завхоз, 2 сторожа и 2 уборщицы)⁵², а в храме святителя Николая на Большеохтинском кладбище — 7 человек (завхоз, 2 уборщицы, 2 сторожа, дворник и кассир)⁵³.

Конечно, помимо штатных сотрудников на приходах в тяжелейших условиях продолжали служить пастыри Церкви, ежедневно совершая богослужения. Всего штатных православных священнослужителей в Ленинграде было 25, помимо них было еще около 30 приписных, заштатных и катакомбных (тайных) священников. «Из этих 55 священнослужителей от голода умер каждый третий — 18, кроме того, погибли сотни церковнослужителей, певчих и членов приходских советов»⁵⁴.

В конце 1941 г. скончался настоятель Серафимовской церкви протоиерей Гавриил Васильев. 1 января 1942 г. ушел за штат по болезни священник храма св. Иова Многострадального на Волковом кладбище протоиерей Евгений Флоровский, проживший после этого недолго, а 6 сентября 1942 г., также по болезни, ушел за штат и священник в Никольской церкви на Большеохтинском кладбище протоиерей Николай Решеткин. Он также вскоре скончался⁵⁵.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 213. Л. 164 об.

⁵¹ Там же. Л. 113.

⁵² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 180. Л. 139.

⁵³ Там же. Д. 153. Л. 141.

⁵⁴ Ответ доктора исторических наук М. В. Шкаровского на статью протоиерея Сергия Окунева. Ч. I.

⁵⁵ См.: Там же.

Духовенству на кладбищах особенно часто приходилось соприкасаться со смертью. Ведь именно в эти церкви люди везли, а иногда и просто несли умерших близких, чтобы в последний раз проститься с ними, совершить отпевание и по-христиански похоронить.

Настоятель церкви на Большеохтинском кладбище в честь свт. Николая вспоминал: «Вследствие невероятных условий блокады <...> количество отпеваний усопших дошло до невероятной цифры — до нескольких тысяч в день. <...> 7 февраля, в день родительской субботы, накануне Великого поста, я впервые после болезни (проболел священник около месяца. — А. Х.) пришел в храм, и открывшаяся моим глазам картина ошеломила меня — храм был окружен грудями тел, частично даже заслонившими вход в храм. Эти груды достигали от 30 до 100 человек. Они были не только у входа, но и вокруг храма. Я был свидетелем, как люди, обессиленные голодом, желая доставить умерших к кладбищу для погребения, не могли этого сделать и сами, обессиленные, падали у праха погибших и тут же умирали. Эти картины мне приходилось наблюдать очень часто»⁵⁶. Такую же страшную картину могло каждый день видеть духовенство и других кладбищенских церквей.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на страшную трагедию, обрушившуюся на город, молитва, тем не менее, в блокадном Ленинграде не прекращалась. Митрополит Ленинградский Алексей в своем докладе на Соборе епископов Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 г., во вторую годовщину блокады, сказал: «Мы отмечаем, как в Ленинграде усилилась молитва, как умножились жертвы народа через храмы Божии, как возвысился этот подвиг, молитвенный и жертвенный»⁵⁷.

Не прекращалась и приходская жизнь церквей, которые уцелели до начала войны. Конечно, мы увидели, что жизнь на приходах была наполнена не только радостными моментами, но порой и печальными. Не всегда во главе приходов стояли люди, которые готовы были отстаивать интересы прихожан общины, но ставили во главу угла собственную выгоду.

Однако все это лишь подтверждает, что приходская община полноценно существовала даже в блокадном городе. В храмах совершались

⁵⁶ Нюрнбергский процесс: сб. мат-лов. М., 1954. Т. I. С. 773.

⁵⁷ Алексей (Симанский), митр. Долг христианина пред Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны. Доклад // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 11.

Божественная литургия и другие требы. Люди имели возможность, не без содействия государства в продаже вина и муки приходом, приступить к Святым Христовым Таинам в храмах города.

Многие священнослужители жертвовали свои последние силы, здоровье, для выполнения своего пастырского долга. Последние же силы отдавали и некоторые благочестивые родственники усопших родных, чтобы доставить их до кладбищенских церквей и там по-христиански похоронить.

Такая жертвенность, молитва, любовь благочестивых священнослужителей и христиан Ленинграда свидетельствует, что одной из составляющей победы блокадного города была духовная победа над голодом, болью, страхом и безысходностью. Для многих православных жителей северной столицы религиозная жизнь явилась драгоценным стержнем, который укреплял в них спасительную веру и поддерживал вечное, духовное начало жизни в окружающих. Вера же, в свою очередь, способствовала жертвенному подвигу ленинградцев-блокадников, который сегодня известен миллионам людей.

Источники

1. *Алексий (Симанский), митр.* «Церковь зовет к защите Родины». 26 июля 1941 года // Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Московская Патриархия, 1943. С. 50–52.
2. *Алексий (Симанский), митр.* Долг христианина пред Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны. Доклад // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 9–12.
3. Нюрнбергский процесс: сборник материалов. М., 1954. Т. I.
4. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сборник церковных документов. М.: Московская Патриархия, 1943.
5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1109; Ф. Р-9324. Оп. 1. Д. 4, 21; Ф. 1000. Оп. 91. Д. 19; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 79, 80, 153, 180, 209, 213.

Литература

1. *Алешин Е. В.* Блокада Ленинграда. Народная книга памяти: 300 судеб, 300 реальных историй. М., 2014.
2. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Полный список христианских храмов Петербурга. Приложение // Святыни Санкт-Петербурга: историко-церковная энциклопедия: в 3 т. СПб., 1994. Т. I.

Подвиг, рождающий веру, и вера, способная на подвиг...

3. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М.: Институт российской истории, 2001.
4. *Харчевников А. С.* «Просим Вас разрешить открыть храм для нас, верующих, чтобы нам молиться Богу для быстреего разгрома общего врага — гитлеризма»: судьба кладбищенских храмов блокадного Ленинграда // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 166–174.
5. Ответ доктора исторических наук М. В. Шкаровского на статью протоиерея Сергия Окунева. Часть I // Сайт «Православие.ru». URL: <https://pravoslavie.ru/473.html> (дата обращения: 27.02.2020).
6. *Шкаровский М. В.* Церковь и власть в блокадном Ленинграде // Сайт «Санкт-Петербургской духовной академии». URL: <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-cerkov-i-vlast-v-blokadnom-leningrade/> (дата обращения: 29.02.2020).

Alexey S. Kharchevnikov

THE FEAT THAT GIVES BIRTH TO FAITH, AND THE FAITH READY FOR REAL FEATS: CHURCH LIFE OF THE BESIEGED LENINGRAD

Abstract. The given article analyzes activity of the Orthodox Church under blockade, in the city of Leningrad which had been the capital of Russia and got name Saint Petersburg less than 3 decades before, and could boast then with nearly 700 religious buildings. The horrific events that had afflicted the Church in Russia in the 20th century changed the perception of the glorious history of both the country itself and the imperial city, which lost its historical name soon after the changes in the system of government: in 1914 the northern capital was called Petrograd, and in 1924 the city was renamed — Leningrad. By the time of the most tragic period in the northern capital's existence which started with the siege of Leningrad there were only 10 churches open in the whole city. The article's author examines and summarizes priceless grains of information on the parish life of the Christians in Leningrad, and analyzes archive sources telling about the details of the church life, which still flickered in the hero-city overfull with grief and icy with tears. Based on a number of documents, the author analyzes the interaction of the Church and city authorities, as far as they could help the parish life of the churches that continued to perform services in cemeteries. The author focuses on the cemetery parishes, as he believes that by studying the particular events of a parish, one can draw general conclusions and form a true picture of the tragic past, where there was place for Christian virtue. Due to the fact that History as a scientific discipline considers the past not only from the general to the specific, but also from the specific to the general, it is possible to verify reliability of the description of both a particular era and an individual event of a given era. Reconstructing the history of several cemetery churches during the siege period, the author believes that on this basis one can build a general picture of the church life of the besieged city.

Keywords: *History of the 20th century, besieged Leningrad, Saint Petersburg, Petrograd, Great Patriotic War, cemetery churches, churches of the besieged city.*

Citation. Kharchevnikov A. S. Podvig, rozhdaishchii veru, i vera, sposobnaia na podvig: tserkovnaia zhizn' blokadnogo Leningrada [The Feat That Gives Birth to Faith, and the Faith Ready for Real Feats: Church Life of the Besieged Leningrad]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2020, no. 2 (30), pp. 38–57. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10203

About the author. Kharchevnikov Alexey Sergeevich — student at the Saint Peterburg Theological Academy (Russia, Saint Peterburg). *E-mail:* has2298@yandex.ru

Submitted on 05 March, 2020

Accepted on 23 March, 2020

References

1. Aleksii (Simanskii), mitr. «Tserkov' zovet k zashchite Rodiny». 26 iuliia 1941 goda [“The Church Calls for Protection of the Fatherland”. July 26, 1941]. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Velikaia Otechestvennaia voina. Sbornik tserkovnykh dokumentov* [Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War. Collection of Church Documents]. Moscow, 1943, pp. 50–52.
2. Aleksii (Simanskii), mitr. Dolg khristianina pred Tserkov'iu i Rodinoi v epokhu Otechestvennoi voiny. Doklad [Christian Duty to the Church and Homeland in the Era of the Great Patriotic War]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii — Journal of the Moscow Patriarchate*, 1943, no. 1, pp. 9–12.
3. Aleshin E. V. *Blokada Leningrada. Narodnaia kniga pamiati: 300 sudeb, 300 real'nykh istorii* [Leningrad Blockade. People's Book of Memory: 300 Fates and 300 Real Stories]. Moscow, 2014.
4. Antonov V. V., Kobak A. V. *Sviatyni Sankt-Peterburga: istoriko-tserkovnaia entsiklopedia: v 3 t.* [Shrines of Saint Petersburg: Historic and Church Encyclopedia: in 3 vols.]. Saint Petersburg, 1994, vol. I.
5. Kharchevnikov A. S. «Prosim Vas razreshit' otkryt' khram dlia nas, veruiushchikh, chtoby nam molit'sia Bogu dlia bystreishego razgroma obshchego vraga — gitlerizma»: sud'ba kladbishchenskikh khramov blokadnogo Leningrada [“We Ask You to Allow Us to Open a Temple for Us Believers to Pray God for the Quickest Defeat of the Common Enemy — Hitlerism”: Fate of Cemetery Churches of the Besieged Leningrad]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2020, no. 1, pp. 166–174.
6. *Niurnbergskii protsess: sbornik materialov* [Nuremberg Trials. Collection of Materials]. Moscow, 1954, vol. I.
7. Otvet doktora istoricheskikh nauk M. V. Shkarovskogo na stat'iu protoiereia Sergiia Okuneva. Chast' I [The Answer of M. V. Shkarovsky, Doctor of Historical Sciences, to the Ar-

Подвиг, рождающий веру, и вера, способная на подвиг...

ticle of Archpriest Sergiy Okunev]. Available at: <https://pravoslavie.ru/473.html> (accessed: 27.02.2020).

8. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Velikaia Otechestvennaia voina. Sbornik tserkovnykh dokumentov* [Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War. Collection of Church Documents]. Moscow, 1943.

9. Shkarovskii M. V. *Tserkov' i vlast' v blokadnom Leningrade* [Church and Authorities in Besieged Leningrad]. Available at: <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-cerkov-i-vlast-v-blokadnom-leningrade/> (accessed: 29.02.2020).

10. Vasil'eva O. Yu. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [Russian Orthodox Church in Politics of the Soviet State in 1943–1948]. Moscow, 2001.